

Владимир Иванович Даль

**О повѣрьяхъ, суевѣріяхъ и
предразсудкахъ русскаго
народа**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 37.032
ББК 51.204.0

Владимир Иванович Даль

О повѣрьяхъ, суевѣріяхъ и предрасудкахъ русскаго народа / Владимир Иванович Даль – М.: Книга по Требованию, 2011. – 74 с.

ISBN 978-5-4241-3083-0

Все на свѣтъ легче осмѣять, чѣмъ основательно опровергнуть, и иногда даже легче, нежели дать ему вѣру. Подробное, добросовѣстное разбирательство, сколько въ какомъ повѣрѣ есть или могло быть нѣкогда смысла, на чемъ оно основано и какую ему теперь должно дать цѣну и гдѣ указать мѣсто – это не легко. Едва ли однако же можно допустить, чтобы повѣрье, пережившее тысячелѣтія и принятое миллионами людей за истину, было изобрѣтено и пущено на вѣтеръ, безъ всякаго смысла и толка.

ISBN 978-5-4241-3083-0

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

О повѣрѣяхъ, суевѣріяхъ
и
предразсудкахъ русскаго
народа.
Сочиненіе
Владиміра Даля.
Изданіе второе, безъ перемѣнъ.

Вступленіє.

Шиллеръ сказалъ: «и въ дѣтской игрѣ кроется иногда глубокой смыслъ», — а Шекспиръ: «и на небѣ и на землѣ есть еще много такого, чего мудрецы ваши не видывали и во снѣ». Это можно примѣнить къ загадочному предмету, о коемъ мы хотимъ поговорить. Духъ сомнѣнія составляетъ свойство добросовѣстнаго изыскателя; но само по себѣ и безусловно, качество сіе бесплодно и даже губительно. Если къ этому еще присоединится высокоумное презрѣніе къ предмету, нерѣдко служащее личиною невѣжества особеннаго рода, — то сомнѣніе, или невѣріе, очень часто бываетъ лицемѣрное. Большая часть тѣхъ, кои считаютъ долгомъ приличія гласно и презрительно насмѣхаться надо всѣми народными предразсудками, безъ разбора, — сами вѣрятъ имъ втихомолку, или по крайней мѣрѣ изъ предосторожности, на всякій случай, не выѣзжаютъ со двора въ недѣльникъ и не здороваются черезъ порогъ.

Съ другой стороны, если и смотрѣть на повѣрья народа, вообще, какъ на суевѣріе, то они не менѣе того заслуживаютъ нашего вниманія, какъ значительная частица народной жизни; это пути, кои человѣкъ надѣлъ на себя — по своей ли винѣ, или по необходимости, по большому уму, или по глупости, — но въ коихъ онъ долженъ жить и умереть, если не можетъ стряхнуть ихъ и быть свободнымъ. Но гдѣ и когда можно или должно сдѣлать то или другое, — этого нельзя опредѣлить, не разобравъ во всей подробности смысла, источника, значенія и силы каждаго повѣрья. И самому глупому и вредному суевѣрію нельзя противодѣйствовать, если не знаешь его и не знакомъ съ духомъ и съ бытомъ народа.

*Повѣрье*мъ называемъ мы вообще всякое укоренившееся въ народѣ мнѣніе или понятіе, безъ разумнаго отчета въ основательности его. Изъ этого слѣдуетъ, что повѣрье можетъ быть истинное и ложное; въ послѣднемъ случаѣ оно называется собственно *суевѣріемъ* или, по новѣйшему выраженію, *предразсудкомъ*. Между этими двумя словами разницы мало; предразсудокъ есть понятіе болѣе тѣсное и относится преимущественно къ предостерегательнымъ, суевѣрнымъ правиламъ, что, какъ и когда дѣлать или не дѣлать. Изъ этого усматривается, еще въ третьемъ значеніи, важность предмета, о коемъ мы говоримъ, онъ даетъ намъ полную картину жизни и быта извѣстнаго народа.

Не только у всѣхъ народовъ земнаго шара есть повѣрья и суевѣрія, но у многихъ они довольно схожи между собою, указывая на одинъ общій источникъ и начало, которое можетъ быть трехъ родовъ: или повѣрье, возникшее въ древности, до раздѣленія двухъ народовъ, сохранилось по преданію въ обоихъ; или, родившись у одного народа, распространилось и на другіе; или же наконецъ повѣрье, по свойству и отношеніямъ своимъ къ человѣку, возникло тутъ и тамъ независимо одно отъ другаго. Въ этомъ отношеніи есть много ученыхъ указаній у г. Снегирева. Сочинитель настоящей статьи ограничился одними только повѣрьями русскаго народа, или даже почти исключительно тѣмъ, что ему случилось собрать среди народа; посему статья эта вовсе не есть полное изслѣдованіе этого предмета, а только небольшой сборникъ или собраніе подручныхъ въ настоящее время запасовъ¹.

Съверъ нашъ искони славится преимущественно большимъ числомъ и разнообразіемъ повѣрій и суевѣрій о кудесничествѣ разнаго рода. Едва ли большая

часть этого не перешла къ намъ отъ чудскихъ племень. Кудесники и знахари сѣверной полосы отличаются также злобою своею, и всѣ рассказы о нихъ носятъ на себѣ этотъ отпечатокъ. На югѣ видимъ болѣе поэзіи, болѣе связанныхъ, сказочныхъ и забавныхъ преданій и суевѣрій, въ коихъ злобные чернокнижники являются только какъ необходимая прикраса, для яркой противоположности. Нигдѣ не услышите вы столько о порчѣ, изуроченіи, какъ на Сѣверѣ нашемъ; нигдѣ нѣтъ столько затѣйливыхъ и забавныхъ рассказовъ, какъ на Югѣ.

Повѣрья мѣстныя, связанныя съ извѣстными урочищами, курганами, городами, селами, городищами, озерами и проч., не могли войти въ эту статью главнѣйше потому, что такое собраніе вышло бы нынѣ еще слишкомъ неполно и отрывочно. Если бы у насъ много лѣтъ сряду занимались повсемѣстно сборомъ этихъ преданій, тогда только можно бы попытаться составить изъ нихъ что нибудь цѣлое. Но преданія эти гибнутъ невосвратно; ихъ выгѣсняетъ суровая вещественность, — которая новыхъ замысловатыхъ преданій не рождаетъ.

Все на свѣтѣ легче осмѣять, чѣмъ основательно опровергнуть, и иногда даже легче, нежели дать ему вѣру. Подробное, добросовѣстное разбирательство, сколько въ какомъ повѣрьѣ есть или могло быть нѣкогда смысла, на чемъ оно основано и какую ему теперь должно дать цѣну и гдѣ указать мѣсто — это не легко. Едва ли однако же можно допустить, чтобы повѣрье, пережившее тысячелѣтія и принятое миллионами людей за истину, было изобрѣтено и пущено на вѣтеръ, безъ всякаго смысла и толка. Коли есть повѣрья, рожденныя однимъ только празднымъ вымысломъ, то ихъ очень немного; — и даже у этихъ повѣрій есть, по крайней мѣрѣ, какой нибудь источникъ, напримѣръ: молодцеванье умниковъ или бойкихъ надъ смиренными; стараніе поработить умы самымъ сильнымъ средствомъ — общественнымъ мнѣніемъ, противъ котораго слишкомъ трудно спорить.

У насъ есть повѣрья — остатки или памятникъ язычества; они держатся потому только, что привычка обращается въ природу, а отмѣна стараго обычая всегда и вездѣ встрѣчала сопротивленіе. Сюда же можно причислить всѣ повѣрья русскаго баснословія, которое, по всей вѣроятности, въ связи съ отдаленными временами язычества. Другія повѣрья придуманы случайно, для того, чтобы заставить малаго и глупаго, окольнымъ путемъ, дѣлать или не дѣлать того, чего отъ него прямымъ путемъ добиться было бы гораздо труднѣе. Застрашавъ и поработивъ умы, можно заставить ихъ повиноваться, тогда какъ пространныя разсужденія и доказательства, ни малаго, ни глупаго, не убѣдятъ и, во всякомъ случаѣ, допускають докучливыя опроверженія.

Повѣрья третьяго разряда, въ сущности своей, основаны на дѣлѣ, на опытахъ и замѣчаніяхъ; поэтому ихъ неправильно называютъ суевѣріями; они вѣрны и справедливы, составляютъ опытную мудрость народа, а потому знать ихъ и сообразоваться съ ними полезно. Эти повѣрья безспорно должны быть всѣ объяснимы изъ общихъ законовъ природы: но нѣкоторыя представляются до времени странными и темными.

За симъ непосредственно слѣдуютъ повѣрья, основанныя также въ сущности своей на явленіяхъ естественныхъ, но обратившіяся въ нелѣпость по безмысленному ихъ примѣненію къ частнымъ случаямъ.

Пятаго разряда повѣрья изображаютъ духъ времени, игру воображенія, иносказанія — словомъ, это народная поэзія, которая, будучи принята за наличную

монету, обращается въ суевѣріе.

Къ шестому разряду, наконецъ, должно причесть — можетъ быть только до поры до времени — небольшое число такихъ повѣрій, въ коихъ мы не можемъ добиться никакого смысла. Или онъ былъ утраченъ по измѣнившимся житейскимъ обычаямъ, или вслѣдствіе искаженій самого повѣрья, или же мы не довольно изслѣдовали дѣло, или, наконецъ, можетъ быть въ немъ смысла нѣтъ и не бывало. Но какъ всякая вещь требуетъ объясненія, то и должно замѣтить, что такіа вздорныя, уродливыя повѣрья произвели на свѣтъ, какъ замѣчено выше, или умничанье, желаніе знать болѣе другихъ и указывать имъ, какъ и что дѣлать, — или пытливый, любознательный умъ простолюдина, доискивающийся причинъ непонятнаго ему явленія; эти же повѣрья нерѣдко служатъ извиненіемъ, оправданіемъ и утѣшеніемъ въ случаяхъ, гдѣ болѣе не къ чему прибѣгнуть. Съ другой стороны, можетъ быть, нѣкоторыя безсмысленныя повѣрья изобрѣтены были также и съ тою только цѣлію, чтобы, пользуясь легковѣріемъ другихъ, жить на чужой счетъ. Этого разряда повѣрья можно бы назвать мошенническими.

Само собою разумѣется, что разряды эти на дѣлѣ не всегда можно такъ положительно разграничить; есть переходы, а многія повѣрья безъ сомнѣнія можно причислить и къ тому и къ другому разряду; опять иныя упомянуты у насъ, по связи своей съ другимъ повѣрьемъ, въ одномъ разрядѣ, тогда какъ они въ сущности принадлежатъ къ другому. Такъ, напримѣръ, всѣ лицедѣи нашего баснословія принадлежатъ и къ остаткамъ язычества, и къ разряду вымысловъ піитическихъ, и къ крайнему убѣжищу невѣжества, которое не менѣе, какъ и самое просвѣщеніе, хотя и другимъ путемъ, ищетъ объясненія непостижимому и причины непонятныхъ дѣйствій. Лица эти живутъ и держатся въ воображеніи народномъ частью потому, что въ быту простолюдина, основанномъ на трудахъ и усиліяхъ тѣлесныхъ, на жизни суровой, — мало пищи для духа; а какъ духъ этотъ не можетъ жить въ бездѣйствіи, хотя онъ и усыпленъ невѣжествомъ, то онъ и уносится, посредствомъ мечты и воображенія, за предѣлы здышняго міра. Не менѣе того пытливый разумъ, изыскивая и не находя причины различныхъ явленій, въ особенности бѣдствій и несчастій, также прибѣгаетъ къ помощи досужаго воображенія, олицетворяетъ силы природы въ каждомъ ихъ проявленіи, сваливаетъ все на эти лица, на коихъ нѣтъ ни суда, ни расправы, — и на душѣ какъ будто легче.

Вопросъ, откуда взялись баснословныя лица, о коихъ мы хотимъ теперь говорить — возникалъ и въ самомъ народѣ: это доказывается сказками объ этомъ предметѣ, придуманными такъ же, гдѣ въ ходу эти повѣрья. Домовой, водяной, лѣшій, вѣдьма и проч. не представляютъ собственно нечистую силу; но, по мнѣнію народа, созданы ею, или обращены изъ людей, за грѣхи или провинности. По мнѣнію иныхъ, падшіе ангелы, спрятавшіеся подъ траву *прострѣль*, поражены были громовою стрѣлою, которая пронзила стволъ этой травы, употребляемой по этому поводу для залеченія ранъ — и низвергла падшихъ духовъ на землю; здѣсь они разсыпались по лѣсамъ, полямъ и водамъ и населили ихъ. Всѣ подобныя сказки явнымъ образомъ изобрѣтены были уже въ позднѣйшія времена; можетъ быть древнѣе ихъ мнѣніе, будто помянутыя лица созданы были нечистымъ для услугъ ему и для искушенія человѣка; но что домовой, напримѣръ, который вообще добродѣтельнѣе прочихъ, отложился отъ сатаны — или, какъ народъ выражается, отъ чорта отсталъ, а къ людямъ не присталъ.

I. Домовой.

Домовой, домовикъ, дѣдушка, старикъ, постень или постѣнь, также *лизунъ*, когда живеть въ подпольѣ съ мышами, — а въ Сибири *сусѣдко*, — принимаетъ разные виды; но обыкновенно это плотный, не очень рослый мужичекъ, который ходить въ короткомъ смуромъ зипунѣ, а по праздникамъ и въ синемъ кафтанѣ съ алымъ поясомъ. Лѣтомъ также въ одной рубахѣ; но всегда босикомъ и безъ шапки, вѣроятно потому, что мороза не боится и притомъ всюду дома. У него порядочная сѣдая борода, волосы острижены въ скобку, но довольно косматы и частію застилають лицо. Домовой весь обросъ мягкимъ пушкомъ, даже подошвы и ладони; но лицо около глазъ и носа нагое. Косматая подошва выказываются иногда зимой, по слѣду, подлѣ конюшни; а что ладони у домового также въ шерсти, то это знаетъ всякій, кого дѣдушка гладила ночью по лицу: рука его шерстить, а ногти длинные, холодные. Домовой по ночамъ иногда щиплется, отчего остаются синяки, которые однако обыкновенно не болятъ; онъ дѣлаетъ это тогда только, когда человѣкъ спитъ глубокимъ сномъ. Это повѣрье весьма естественно объясняется тѣмъ, что люди иногда, въ работѣ или хозяйствѣ, незамѣтно зашибаются, забываютъ потомъ объ этомъ, и, увидѣвъ черезъ день или болѣе синякъ, удивляются ему и приписываютъ его домовому. Иные, впрочемъ, если могутъ опаматоваться, спрашиваютъ домового, когда онъ щиплется: любя или не любя? къ добру или къ худу? и удостоиваются отвѣта, а именно: домовой плачетъ или смѣется; гладитъ мохнатой рукой, или продолжаетъ зло щипаться: выбранить или скажетъ ласковое слово. Но домовой говоритъ очень рѣдко; онъ гладитъ мохнатой рукой къ богатству, теплой къ добру вообще, холодной или шершавой, какъ щетка, къ худу. Иногда домовой просто толкаетъ ночью, будить, если хочетъ увѣдомить о чемъ хозяина, и на вопросъ: что добраго? предвѣщаетъ тѣми же знаками, добро или худо. Случается слышать, какъ люди хвалятся, что домовой погладилъ ихъ такой мягкой ручкой, какъ собольимъ мѣхомъ. Онъ вообще не злой человѣкъ, а больше причудливый проказникъ: кого полюбить, или чей домъ полюбить, тому служить, ровно въ кабалу къ нему пошель; а ужъ кого не взлюбить, такъ выживетъ и, чего добраго, со свѣту сживетъ. Услуга его бываетъ такая, что онъ чиститъ, мететъ, скребетъ и прибираетъ по ночамъ въ домѣ, гдѣ что случится; особенно онъ охочъ до лошадей: чиститъ ихъ скребницей, гладитъ, холить, заплетаетъ гривы и хвосты, подстригаетъ уши и щетки; иногда онъ сядетъ ночью на коня и задаетъ конецъ, другой по селу. Случается, что кучеръ или стремянный сердятся на домового, когда баринъ бранитъ ихъ за то, что лошадь ѣздой или побѣжкой испорчена; они увѣряютъ тогда, что домовой наѣздилъ такъ лошадь, и не хуже цыгана сбиль рысь на иноходь или въ три ноги. Если же лошадь ему не полюбится, то онъ обижаетъ ее: не даетъ ѣсть, ухватить за уши, да и мотаешь голову; лошадь бьется всю ночь, топчетъ и храпитъ; онъ свиваетъ гриву въ колтунъ и, хоть день за день расчесывай, онъ ночью опять собьетъ хуже прежняго, лучше не тронь. Это повѣрье основано на томъ, что у лошади, особенно коли она на плохомъ корму и не въ холѣ, дѣйствительно иногда образуется колтунъ, который остригать опасно, а расчесать невозможно. Если домовой сядетъ на лошадь, которую не любить, то приведетъ ее къ утру всю въ мыль, и вскорѣ лошадь спадетъ съ тѣла. Такая лошадь пришлась *не по*

двору, и ее непременно должно сбыть. Если же очень осерчаетъ, такъ перешибеть у нея задъ, либо протащить ее бѣдную въ подворотню, вертить и мотаешь ее въ стойлѣ, забьешь подъ ясли, даже иногда закинешь ее въ ясли къ верху ногами. Нерѣдко онъ ставитъ ее и въ стойло занузданную, и иному барину самому удавалось это видѣть, если рано пойдешь на конюшню, когда еще кучеръ, послѣ ночной погулки, не успѣлъ проспать и опохмѣлиться. Ясно, что всѣ повѣрья эти принадлежать именно къ числу мошенническихъ и служатъ въ пользу кучеровъ. Такъ напр. кучеръ требовалъ однажды отъ барина, чтобы непременно обмѣнять лошадь на другую, у знакомаго барышника, увѣряя, что эту лошадь держать нельзя, ее домовый не взлюбилъ и изведетъ. Когда же баринъ, не смотря на всѣ явные доводы и попытки кучера, не согласился, а кучеру не хотѣлось потерять обѣщанные могарычи, то лошадь точно, наконецъ, взбѣсилась вовсе, не вынеши мукъ домового, и околѣла. Кучеръ насыпалъ ей нѣсколько дрови въ ухо; а какъ у лошади ушной проходъ устроенъ такимъ изворотомъ, что дробь эта не можетъ высыпаться обратно, то бѣдное животное и должно было пасть жертвою злобы мнимаго домового. Домовой любить особенно вороныхъ и сѣрыхъ лошадей, а чаще всего обижаетъ соловыхъ и буланыхъ.

Домовой вообще хозяйничаетъ исключительно по ночамъ; а гдѣ бываетъ днемъ, это неизвѣстно. Иногда онъ забавляется, какъ всякій знаетъ, вскочивъ сонному колѣнями на грудь и, принявшись, ни съ того, ни съ сего, душить человѣка; у другихъ народовъ есть для этого припадка названіе альтъ, кошемаръ, а у насъ нѣтъ другаго, какъ домовый душилъ. Онъ впрочемъ, всегда отпускаетъ душу на покаяніе и никогда не душитъ на смерть. При этомъ домовый иногда бранится чисто по-русски, безъ зазрѣнія совѣсти; голосъ его грубый, суровый и глухой, какъ будто раздается вдругъ съ разныхъ сторонъ. Когда онъ душитъ, то отогнать его можно только такою же русскою бранью; – кто можетъ въ это время произнести ее, того онъ сей же часъ покидаетъ, и это вѣрно: если въ семь припадкѣ удушья сможешь заговорить, бранное или небранное, то всегда опомнишься и можешь встать. Иные и въ это время также спрашиваютъ: къ добру или къ худу? и дѣдушка завываетъ глухо: къ ху-у-ду! Вообще, онъ болѣе знается съ мужчинами, но иногда проказитъ и съ бабами, особенно если онѣ крикливы и безтолковы. Расхаживая по дому, онъ шаркаетъ, топаешь, стучитъ, гремитъ, хлопаетъ дверь, бросаетъ, чѣмъ попало, со страшнымъ стукомъ; но никогда не попадаетъ въ человѣка; онъ иногда подымаетъ гдѣнибудь такую возню, что хоть бѣги безъ оглядки. Это бываетъ только ночью, въ подпольѣ, въ клѣти, сѣняхъ, чуланѣ, въ порожней половинѣ, или на чердакѣ; иногда онъ стаскиваетъ и сваливаетъ ворохомъ все, что попадется. Передъ смертью хозяина, онъ садится иногда на его мѣсто, работаетъ его работу, надѣваетъ его шапку; поэтому, вообще, увидеть домового въ шапкѣ – самый дурной знакъ. Перебираясь въ новый домъ, должно, перекрестившись въ красномъ углу, оборотиться къ дверямъ и сказать: «хозяинъ домовый, пойдемъ со мной въ домъ.» Коли ему полюбитъ житье, то станетъ жить смирно и ходить около лошадей; а нѣтъ, такъ станетъ проказитъ. Голоса его почти никогда не услышишь, развѣ выбрантъ когонибудь, или заукаетъ на дворѣ, либо станетъ дразнить лошадей, заржавъ по-конинному. Слѣды проказъ его нерѣдко видны и днемъ: напримѣръ посуда вся очутится за-ночь въ поганомъ ушатѣ, сковородники сняты съ древка и надѣты на рога ухвата, а утварь сидѣлая, столы, скамьи, стулья переломаны, либо свалены всѣ въ одну кучу.

Замѣчательно, что домовый не любитъ зеркала; иные даже полагаютъ, что его можно выкурить этимъ средствомъ изъ такой комнаты, гдѣ онъ много проказить. Но онъ положительно не терпитъ сорокъ, даже мертвыхъ, почему и полезно подвѣшивать на конюшнѣ убитую сороку. Въ какихъ онъ сношеніяхъ съ козломъ, неизвѣстно; но козель на конюшнѣ также удаляетъ или задабриваетъ домового. Въ этомъ повѣрѣ нѣтъ однако же связи съ тѣмъ, что козель служить вѣдьмѣ; покрайней мѣрѣ никто не видалъ, чтобы домовый ѣздилъ на козлѣ. Иные объясняютъ повѣрье это такъ: лошади потѣютъ и болѣютъ, если въ конюшнѣ водится ласочка, которая въ свою очередь будто не любитъ козла и отъ него уходитъ.

В иныхъ мѣстахъ никто не произнесетъ имени домового, и отъ этого обычая не поминать или не называть того, чего боишься, какъ напр. лихорадку, — домовый получилъ столько иносказательныхъ кличекъ, а въ томъ числѣ почетное званіе дѣдушки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даютъ ему свойство оборотня и говорятъ, что онъ катится иногда комомъ снѣга, клочкомъ сѣна, или бѣжитъ собакой.

Для робкихъ, домовый бываетъ всюду, гдѣ только ночью чтонибудь скрипнетъ или стукнетъ; потому что и домовый, какъ всѣ духи, видѣнія и привидѣнія, ходитъ только въ ночи, и особенно передъ свѣтомъ; но, кажется, что домовый не стѣсняется первымъ крикомъ пѣтуха, какъ большая часть прочихъ духовъ и видѣній. Для недогадливыхъ и невѣждъ, домовый служить объясненіемъ разныхъ непонятныхъ явленій, оканчивая докучливые спросы и толки. А сколько разъ плуты пользовались и будутъ пользоваться покровительствомъ домового! Кучера, подъ именемъ его, катаются всю ночь напролетъ и заганиваютъ лошадей, или воруютъ и продаютъ овесъ, увѣряя, что домовый замылилъ лошадь или не дастъ ей ѣсть; а чтобы выжить постоялаго постояльца или сосѣда, плутоватый хозяинъ не разъ уже ночи три или четыре напролетъ возился на чердакѣ въ сѣнахъ и конюшнѣ и достигалъ иногда цѣли своей. Нѣрѣдко впрочемъ и случайныя обстоятельства поддерживаютъ суевѣріе о домовомъ. Во время послѣдней польской войны, нашъ эскадронъ стоялъ въ извѣстномъ замкѣ, въ Пулавѣ, и домовый сталъ выживать незваныхъ постояльцевъ: въ продолженіе всей ночи въ замкѣ, особенно въ комнатѣ, занятой нашими офицерами, подымался такой страшный стукъ, что нельзя было уснуть; а между тѣмъ самыя тщательныя розысканія ничего не могли открыть, нельзя было даже опредѣлить съ точностію, гдѣ, въ какомъ углу или мѣстѣ домовый возится, — хотя стукъ былъ слышенъ каждому. Плутоватый кастелянъ пожималъ плечами и увѣрялъ, что это всегда бываетъ въ отсутствіе хозяина, котораго домовый любить и уважаетъ, и при немъ ведетъ себя благочинно. Случайно открылось, однакоже, что домовый иногда и безъ хозяина успокоивался и что это именно случалось тогда, когда лошади не ночевали на конюшнѣ. Сдѣлали нѣсколько опытовъ, и дѣло объяснилось: конюшня была черезъ дворъ; не менѣе того, однакоже, въ одной изъ комнатъ замка пришлось какъ-то акустическая точка, относительно этой конюшни, и топотъ лошадей раздавался въ ней такъ звучно, что казалось, будто стукъ этотъ выходитъ изъ подполья или изъ стѣны. Открытіе это кастеляну было очень не по вкусу.

Въ народѣ есть повѣрье о томъ, какъ и гдѣ домового можно увидѣть глазами, если непременно захотѣть: должно выскать (скатать) такую свѣчу, которой бы стало, чтобы съ нею простоять въ страстную пятницу у страстей, а въ субботу и въ воскресенье у заутрени; тогда между заутрени и обѣдни, въ свѣтлое воскресенье, зажечь свѣчу эту и идти съ нею домой, прямо въ хлѣвъ или коровникъ:

тамъ увидишь дѣдушку, который сидитъ, притаившись въ углу, и не смѣетъ тронуться съ мѣста. Тутъ можно съ нимъ и поговорить.

II. Знахарь и знахарка.

Знахарь и знахарка – есть нынѣ самое обыкновенное названіе для такихъ людей, кои слизываютъ отъ глазу, снимаютъ всякую порчу, угадываютъ о пропажахъ и проч. *Колдунъ, колдунья, вѣдунъ и вѣдунья* встрѣчаются рѣже, и должны уже непременно знаться съ нечистой силой, тогда какъ знахарь, согласно повѣрью, можетъ ходить во страхъ Божию и прибѣгать къ помощи креста и молитвы. *Волхвъ* означаетъ тоже, что колдунъ, но слово это въ народѣ неупотребительно; даже о *колдунѣ* или *колдуньѣ* слышно уже болѣе въ сказкахъ; *кудесники* и *доки* мѣстами тоже извѣстны, болѣе на сѣверѣ, и означаютъ почти тоже, что колдунъ. *Ворожее, ворожежа* относится собственно къ гаданію разными способами, не заключаетъ въ себѣ условіе чернокнижія, но и не исключаетъ его положительно, почему и говорится: я не колдунъ, да отгадчикъ – то есть, не знаясь съ бѣсомъ, умѣю отгадывать. Кромѣ общеизвѣстныхъ способовъ гаданія на картахъ, на кофейной гушѣ, на рукѣ, на воску, или на вылитомъ въ водѣ яйцѣ, или топленомъ свинцѣ, на бобахъ – отчего родилась поговорка: бѣду на бобахъ развести, – есть также гаданія по священнымъ книгамъ, суевѣріе, выходящее нынѣ уже изъ употребленія. Гадаютъ также, повѣсивъ на веревочку рѣшето и псалтырь, причемъ то или другое должно перевернуться, если назовутъ имя виновнаго.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ кучеръ, подозрѣвавшій товарища своего, деньщика, въ воровствѣ, потребовалъ, чтобы этотъ шелъ съ нимъ къ ворожеѣ, жившей у триумфальныхъ воротъ, по Петергофской дорогѣ. Пришли, ворожее еще спала; кучеръ просидѣлъ съ деньщикомъ за воротами около часу, потомъ пошелъ справиться, не пора-ли? Говорятъ: можно. Онъ возвращается, зоветъ товарища – но его нѣтъ, и нѣтъ по сей день. Струсивъ ворожею, при нечистой совѣсти, онъ бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти. Для такой же острастки кладутъ на столъ заряженное ружье и велютъ всѣмъ цѣловать его въ дуло, увѣряя, что оно вора убьетъ. Кто боится этого и виноватъ, тотъ признается, или, по крайности, откажется, подъ какимъ нибудь предлогомъ, отъ цѣлованія ружья.

Святочныя гаданья, представляющія болѣе игры – также нерѣдко принимаютъ въ прямомъ значеніи, и суевѣрные имъ вѣрятъ: строятъ изъ лучинъ надъ чашкой воды мостикъ и ставятъ его подъ кровать – суженый приснится и поведетъ по мосту; кладутъ гребень подъ подушку, суженый-ряженный почешется и оставить волосокъ; ставятъ два прибора, въ банѣ, дѣвушка садится о полуночи, и суженый является ужинать; ставятъ зеркало и двѣ свѣчи, дѣвушка сидитъ передъ нимъ и должна увидѣть суженаго; бросаютъ башмачекъ за ворота, куда ляжетъ носкомъ, туда идти дѣвушкѣ; кормятъ курицу счетнымъ зерномъ, насыпаютъ передъ каждымъ гостемъ овесъ, пускаютъ пѣтуха, и къ кому онъ подойдетъ, тому идти замужъ или жениться; накрываютъ приборы, по числу гостей, и подкладываютъ разныя вещи – что кому придется; дѣвушка выходитъ за ворота и спрашиваетъ имя перваго прохожаго – такъ будутъ звать жениха ея; подслушиваютъ подъ окнами – и изъ этого выводятъ заключенія; выливаютъ олово, свинецъ, воскъ, и проч.

Гаданія гороскопическія, со времени познанія истинной планетной системы и теченія міровъ, сами собою потеряли всякую цѣну. Не отвергая связи между землею съ ея жителями и между планетами, луной и солнцемъ, – невозможно,